

25. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2016/07/20/belaya-kniga-2016-germaniya-priznaet>
26. URL: https://ria.ru/trend/Warsaw_NATO_summit_07072016.
27. URL: https://docs.google.com/viewerng/China_State_Security_Law_2015_Russian_
28. National Security Strategy, The White House, 2015.

УДК 340.01

СИНТЕЗ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СРЕДЕ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

© 2016 г. Б.В. Макогон

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015*

В работе на основе исследования широкого круга источников представлено авторское видение многоаспектного феномена юридической ответственности, в том числе в ее позитивной и негативной сущностях, как элемента инструментария оптимизации процессуально-ограничительного регулирования публично-правовых отношений.

Ключевые слова: *процесс, юридический процесс, ответственность, юридическая ответственность, публичная власть, правовые ограничения.*

The paper, based on the study of a wide range of sources, presents the author's stance on the multidimensional phenomenon of liability, including, in its positive and negative entities, as an element of tools to optimize process-restrictive regulation of public legal relations.

Keywords: *process, legal process, responsibility, liability, public authority, legal restrictions.*

К настоящему времени разноаспектные положения теории юридической ответственности представляются достаточно широко разработанными в рамках отечественной государственно-правовой науки, что, однако, не нивелирует значительного, в какой-то мере конфликтогенного напряжения в прикладной сфере с сохранением проблемы нарушения прав человека со стороны органов государственной власти, в том числе на фоне отсутствия как четкого легального определения юридической ответственности, так и общего и однозначного доктринального.

Хотя традиционно превалировало отношение к юридической ответственности в «негативном ключе», в рамках которого указанный вид ответственности связывается, прежде всего, с противоправными деяниями субъектов и определяется, в основном, их обязанностью давать отчет компетентным органам за свои неправомерные действия и подвергаться за их совершение установленным мерам государственного принуждения, интеграция гуманитарных знаний, опыта создала разноаспектные предпосылки, катализаторы определения данного понятия, феномена положительным отношением индивида, личности, гражданина к порученному делу, обществу, государству, чувством самодисциплины, сознательности, долга; в целом, принятия во внимание стремление существующей в правовом пространстве личности к достижению позитивного результата посредством правомерного, в том числе социально активного поведения.

П.С. Недбайло полагает, что у человека возникает ответственность не только при выполнении своих обязанностей, но с началом их реализации [7, с. 52]. Исходя из этого, делается вывод, что позитивная ответственность является ответственностью за успех в работе.

Б. Л. Назаров рассматривает позитивную юридическую ответственность как длящееся состояние, выраженное в отношении субъекта ответственности к своим обязанностям [6, с. 37]. Аналогична позиция у М.С. Строговича: юридическая ответственность лежит на лице, которое в силу закона несет обязанность в установленных хронологических рамках. Она выражена в осознании лицом требований по неуклонному и добросовестному исполнению своих обязанностей [9, с. 75].

Н.И. Матузов применительно к рассматриваемому правовому феномену использует конструкцию ответственного поведения, определяя его как поведение, характеризующееся глубоким осознанием необходимости следовать требованиям правовых и моральных норм, уважением к закону, к праву и предполагающее активное влияние на ход событий, вклад в общее дело, в развитие общества [5, с. 143].

Подходя абстрактно к этому вопросу, ученые называют позитивной ответственностью лишь ответственное отношение к делу, которое должно быть у всех граждан и должностных лиц.

Таким образом, констатируем, что и современная правовая наука, а не только социальные дисциплины может оперировать термином «позитивная юридическая ответственность».

Вместе с тем, полагаем, необходимо обратить внимание на обстоятельство, в рамках которого не все ученые считают возможным разделить мнения сторонников концептуальных положений о позитивной юридической ответственности. В частности, как считает В.А. Кучинский, сформулировать определение позитивной юридической ответственности едва ли возможно, поскольку ее смысловые характеристики очень различаются, что элиминирует не только сущностное, но и их терминологическое единство. Тем более сложно, если вообще представляется возможным, не только соединить, но и соотнести позитивную ответственность с общепризнанной в юриспруденции и реализуемой на практике юридической ответственностью, являющейся по своей природе негативной (предполагая осуждение и наказание) [4, с. 7].

Однако, на наш взгляд, понимание позитивной юридической ответственности должно стать основополагающим применительно к концепции процессуально-ограничительного регулирования деятельности публичных властных субъектов как производного от ограничительной сущности процессуального права, опосредованного тенденцией его процессуализации вида юридического регулирования, направленного на эффективное установление пределов деятельности государственно-властных субъектов. Мы это связываем с тем, что в трактовке позитивной юридической ответственности в качестве рациональных следует отметить определенные моменты, допускающие и предопределяющие связь объективной и субъективной сторон юридической ответственности. Здесь речь идет о взаимообусловленности предусмотренной в санкциях норм действующего законодательства статутной ответственности и ответственности субъективной, то есть возникающей у конкретного субъекта в результате совершения им правонарушения. В этом отношении весьма интересной представляется позиция, когда в социальной ответственности выделяют два существенных момента: «а) подотчетность, вменение; б) одно из средств реализации должного» [10, с. 105]. При таком освещении позитивная (активная) ответственность понимается не столько как «чувство ответственности», сколько как «ответственность наперед», обуславливающая самоконтроль, саморегуляцию, самоограничение, самонаправленность действий личности. Против выделения такой социальной ответственности, имеющей объективное основание, то есть выражаемой в предписаниях социальных норм, предусматривающих неблагоприятные последствия для их нарушителей, трудно что-либо возразить [4, с. 9].

В этом свете весьма интересно то, что Г.С. Котляревский и Б.Л. Назаров, наряду с едва ли приемлемой оценкой юридической ответственности как правомерного поведения, органически связанного с чувством долга, характеризуют ее как силу предупреждения правонарушений, как угрозу применения государственного принуждения, претерпевания определенных лишений. Они рассматривают активную (позитивную) ответственность в качестве регулятора общественных отношений, считая ее общей ответственностью в том смысле, что она относится ко всем субъектам права, является обязанностью каждого, кто отвечает определенным юридическим признакам [3, с. 51-52].

Солидаризируясь с В.А. Кучинским, считаем, если быть последовательным, надо признавать такую ответственность в качестве элемента правового статуса субъектов и именовать ее не как активную, или позитивную, а статутную (предусмотрена санкцией нормы права), возникающую у конкретного лица в связи с совершением им правонарушения. Статутная ответственность, зафиксированная нормами объективного права, является юридической формой – универсальным масштабом социального ограничения действий, которые противоречат достигнутому уровню социальной свободы. По поводу субъективной ответственности следует заметить, что она выступает как совершенно определенная юридическая мера, ограничивающая личную свободу конкретного лица (правонарушителя). Иными словами, субъективная ответственность всегда конкретна в своих проявлениях, а статутная разновидность носит общий, абстрактный, регулятивный характер и является ответственностью в потенциале. Возникая в соответствии с законом при условии совершения лицом установленного правонарушения, субъективная ответственность является обязанностью конкретного правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия своего виновного деяния. Разновидность и конкретная мера таких карающих последствий опосредованы пределами санкции правовой нормы, определяющей статутную ответственность [4, с. 11].

Что касается конструкции статутной (объективной) юридической ответственности, то и здесь нельзя не заметить определенного смещения нравственных и юридических установлений. По су-

шеству, нравственной обязанности подчинения праву и в данном случае придается юридическое значение.

Теоретические положения о праве содержат достаточно указаний на то, что оно при помощи типичной правовой нормы может определять лишь единичные конкретные обязанности, но не может налагать общую обязанность подчинения праву. Юридическое предписание соблюдать право лишено смысла и содержания. Такую обязанность на индивида может возлагать только мораль [2, с. 22].

Вместе с тем конструкция статутной ответственности, очевидно, не лишена определенных достоинств, поскольку она высвечивает объективное существование закрепленной в санкции правовой нормы возможности субъектов права в случае совершения ими конкретных противоправных поступков претерпевать неблагоприятные юридические последствия. Полагаем, именно такой подход целесообразен для усиления и оптимизации юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных субъектов.

Отличия между статутной и субъективной ответственностью – это различия между должным и сущим. В отличие от статутной ответственности, субъективная ответственность, представляющая собой форму реализации объективного права, не может расцениваться регулятором общественных отношений. Однако при ее реализации субъективная ответственность исполняет функции как частной, так и общей превенции. В связи с этим все противоречия при анализе юридической ответственности порождены существенными методологическими просчетами, которые проявляются, прежде всего, в том, что смешиваются, отождествляются различные правовые понятия (ответственность, взыскание, наказание, санкция), не учитываются их взаимосвязь и взаимовлияние, не разграничиваются правовое явление и формы его проявления, реализации, обеспечения. Юридическая ответственность как вид социальной ответственности должна базироваться на исходных положениях и смысле только общесоциального феномена. Невозможно привести пример из жизни, когда бы смысл видового понятия был противоположен данному родовому понятию, чтобы одно и то же понятие в разных сферах жизнедеятельности человека имело противоположный смысл [8, с. 33]. Следовательно, как разновидность социальной ответственности юридическая ответственность – явление тоже позитивное.

Правовое предписание, нашедшее своего адресата и им воспринятое, становится внутренней основой мотивации его ответственного поведения в правовой сфере. Нарушение гражданином закрепленных в нормативных актах обязанностей ведет к наступлению для него неблагоприятных последствий, предусмотренных санкциями.

Одна из причин узкой, негативной трактовки юридической ответственности коренится в упрощенном понимании сути данного феномена, когда во внимание не берется или сливается с иными правовыми явлениями характер возникновения данной ответственности, ее сущность, механизм и способы реализации, обусловленной признанием компетентным государственным органом, должностным лицом вины правонарушителя.

Считаем необходимым уточнить, что в теории юридической ответственности, действительно, имеются и разнообразные подходы к ее определению. Но, на наш взгляд, они являются односторонними, в них сделан акцент лишь на каком-либо единичном признаке. Например, достаточно широко распространена позиция, в соответствии с которой юридическая ответственность является формой государственного принуждения.

Естественно, внимательно рассматривая юридическую ответственность, рассуждая, практически невозможно не обратить внимание на ее государственно-принудительный характер. Но, подчеркнем, лишь как соответствующую специфическую черту, но не объективное содержание, через которое может быть раскрыто целостное явление. Данная черта опосредована тем, что в случае правонарушения вид и мера принуждения определяются санкциями норм права. В целом процесс реализации ответственности контролируется государством, и при необходимости государственный орган, обладающий специальной компетенцией, в принудительном порядке может применить к правонарушителю надлежащую меру наказания. Однако это не означает, что принудительный характер ответственности должен расцениваться в качестве обязательного присутствия в каждом конкретном случае ее осуществления властно-принудительного воздействия на правонарушителя определенного правоприменительного органа [1, с. 81].

Представляется, что юридическая ответственность как обязательный признак процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов должна пониматься, исходя из широкого, имеющего общесоциальную природу подхода позитивного характера. В ней следует обособлять ее статутную и субъективную разновидности.

В связи с видимой необходимостью решения методологической проблемы поиска нового направления в оптимизации процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов, полагаем возможным определить юридическую ответственность как обусловленные нормами материального и процессуального права отношения между личностью, обществом и государством, в рамках которых сознательно актуализируются взаимно предъявляемые требования на основе санкции правовой нормы, предполагающей неблагоприятные юридические последствия для социальных и публичных субъектов, допустивших правонарушение.

Литература и источники

1. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 214 с.
2. Горбатов Н.А. Юридическая ответственность: нравственные и правовые аспекты // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики: Сборник научных трудов / Под ред. В.А. Кучинского, Э.А. Саркисовой. Минск: МВД РБ, 1996.
3. Котляревский Г.С., Назаров Б.Л. Проблемы общей теории права. М.: ВЮЗИ, 1973. 79 с.
4. Кучинский В.А. О понятии юридической ответственности как фундаментальной категории юриспруденции / Юридическая ответственность: проблемы теории и практики: Сборник научных трудов / под ред. В.А.Кучинского, Э.А.Саркисовой. Минск: МВД РБ, 1996.
5. Матузов Н.И. Социалистическая демократия как единство прав, обязанностей и ответственности личности // Советское государство и право. 1977. № 11.
6. Назаров Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10.
7. Недбайло П.Е. О юридических гарантиях правового осуществления норм советского права // Советское государство и право. 1957. № 6.
8. Слободчиков Н.А. О позитивном содержании юридической ответственности / Юридическая ответственность: проблемы теории и практики: Сборник научных трудов / под ред. В.А. Кучинского, Э.А. Саркисовой. Минск: МВД РБ, 1996.
9. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.
10. Хабибулин Т.Ф. О понятии административной ответственности // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград. 1971. № 4.